

Моск. комсомолец. - 2002. - 30 дек. - с. 6.

ПЕРСОНА

Карцев — это "Авас". И "раки". Я так и начал наш разговор: дескать, какие же все-таки лучше: большие, по пять, но вчера, — или маленькие, по три, но сегодня? Карцев на-
супился:

— Опять раки. Надоело. Мне вообще больше рыба нравится. Мурена, например. Я один раз ее ел, давно, до сих пор забыть не могу. В Одессе, правда, мурены нет, там другой рыбы много, я обязательно в Москву привожу: тюлечку, бычков, скумбрию, камбалу... Сейчас-то хорошо, "Привоз" от рыбы ломится. А еще недавно в Одессе не было рыбы. Можете себе представить? Главная пища одессита. Стоила копейки. И люди ели, и кошки, и все были довольны. А потом, лет 25 назад, снесли рыбный корпус и запретили продавать рыбу. По "Привозу" ходила женщина с необъятной грудью и доставала оттуда рыбу. Называлось — из-под паль.

— **Вы коренной одессит?**

— Вот именно.

— **Докажите.**

— Пожалуйста. У Красной площади в Москве поставили памятник маршалу Жукову. На коне. Стоит возле памятника группа одесситов, к одной из женщин подходит репортер:

— Как вам памятник?

— Потрясающе! Я вообще люблю лошадей!

— **Убедили. Когда вы впервые ощутили свое призвание?**

— В школе. У нас была директриса, Прасковья Григорьевна. 130 килограммов живого веса. Она замечательно ко мне относилась, но иногда била. За дело, я ведь шкодный был. Как даст по шее — и я улетаю. Перед выпускными экзаменами мы всем классом сфотографировались. Вместе с ней. Она пожаловалась: "Ой, как плохо я получилась!" А я и скажи: "Как в жизни". Она обиделась. Сказала: "Это уже не смешно" — и ушла к себе в кабинет.

— **По шее не дала?**

— Нет. Но вот тогда-то я понял, что юмор — штука ответственная, он требует чувства меры. И пошел извиняться.

— **После школы — армия?**

— В армию меня не взяли, хотя я очень хотел.

— **Ну да!**

— Ей-богу! Хотел! Но у меня астигматизм. Меня проверял глазник. Он показывал своей указкой на "Ш", я говорил "М", вместо "Н" — "Х", а на "З" говорил "Б". Глазник хохотал и приговаривал: "Ничего, будешь снайпером". Снайпером я не стал, пошел на швейную фабрику "Молодая гвардия" — учеником наладчика по швейным машинам. И, конечно, участвовал в самодеятельности в ДК моряков. Как-то в драмкружке ДК заболел исполнитель небольшого эпизода, пригласили меня. Я должен был играть гитлеровца. Когда они допрашивали русского матроса (Когана), матрос вырывался и с криком: "Смотри, как умирает русский матрос!" — бил меня по голове. Я должен был упасть. Я придумал смешное падение, падал минут двадцать. Режиссер за кулисами кричал: "Падай, сволочь! Хватит!" Я падал. Публика хохотала. Матрос Коган выхватил у немца пистолет и выстрелил в меня в упор. Я продолжал падать. Находившийся на сцене немецкий офицер ударил меня чем-то по голове, с матросом Коганом случилась истерика, он хохотал и кричал мне: "Падай! Падай, идиот!" Наконец я упал. Под аплодисменты. Сцену доиграли с трудом, режиссер подбежал ко мне и сказал, что я придурок и чтобы он меня больше не видел.

— **После этого вы и попали к Райкину?**

— Нет, это произошло позже. В Одессе был тогда знаменитый студенческий театр миниатюр "Парнас-2", а в нем — Михаил Жванецкий, Виктор Ильченко, Александр Лозовский... Они пригласили меня. И когда пару лет спустя в Одессу приехал Аркадий Райкин, Миша Жванецкий уговорил его посмотреть наш спектакль. Вот тогда-то я и получил приглашение. По такому случаю папа сшил мне в ателье костюм цвета морской волны, черное драповое пальтишко и справил дорогие модельные туфли. Чтобы я приехал в Ленинград приличными человеком. И я приехал во всем этом. Это был конец ноября, в Ленинграде — минус 20, и я моментально околел. Я шел пешком от Московского вокзала до Театра эстрады на улице Желязова, засканивая по пути в магазины, чтобы согреться. В театр я вошел все синий. Кстати, все это случилось ровно 40 лет назад, в 1962 году. Это как бы мой юбилей, только я его не оглашаю.

— **Как вас встретили?**

— Мрачно. С трудом вспомнили, откуда меня знают. А когда вспомнили, кто-то сказал: "Идиот, зачем ты приехал?". Тем не менее сразу повели на сцену — сказали, что Аркадий Исаакович просил ввести меня в какую-то миниатюру. Мой чемодан остался где-то в углу, и я начал вводитьсь. У Райкина была очень смешная миниатюра, когда к врачу приходили 12 пациентов. Он слушал последнего и говорил: "У четвертого — сухой плеврит, остальные здоровы". Этим четвертым был я.

Роман КАРЦЕВ:

"Ищу анекдот про Путина..."

Зарплату мне положили — 88 рублей. 8 вычитывали за бездетность, 25 стоил угол, который я снимал, на 10 я кормил Жванецкого, который приехал позже.

— **Я разговаривал со многими, кто работал с Аркадием Райкиным. Отношение к нему было неоднозначным. А как вы к нему относились? Как к мэтру?**

— Отношение менялось. Это нормально: нельзя непрерывно соглашаться друг с другом. Как-то Аркадий Исаакович пригласил режиссера, и тот стал нам объяснять, как играть Жванецкого. К тому времени мы играли Жванецкого уже давно, привыкли импровизировать. Режиссер импровизации не признавал, коса нашла на камень, и Райкин оказался между нами в сложном положении. Однажды, когда мы репетировали, он подошел к сцене и спрашивал:

— Что вы делаете?

Я отвечаю:

— Пробуем.

— И вы думаете, что это смешно? — спрашивал Райкин.

— По-моему, смешно, — говорю я.

— Вы что же, — продолжает Райкин, — думаете, что больше понимаете в юморе, чем я?

— Видимо, да, — сказал я и пошел писать заявление об уходе.

— **И что потом?**

— А что потом... Потом вместе с Витей Ильченко и Мишей Жванецким мы сделали в Одессе наш первый спектакль. Он назывался "Как пройти на Дерибасовскую?". В Одессе была холера, в стране ходили слухи, будто в городе на улицах валяются трупы. Режиссер сбегал, мы сделали спектакль сами. Но принимать его комиссия из Киева приехать не смогла: карантин. Правда, они нас уже немножко знали. Они нас называли "бандиты из Одессы". Короче говоря, вместо комиссии пришла секретарь обкома Гладкая. Фамилия у нее такая. И говорит: смотреть программу не будем, надо быстро выезжать на гастроли, показывать, что Одесса жива, Одесса смеется.

Мы поехали в Ростовскую область, работали в колхозах, деревнях. Нас никто не знал, залы полупустые, Жванецкому кричали: "Иди выучи текст!" Он же читал с листа.

Потом — Ростов, два спектакля, люди боялись идти из-за холеры. Но на второй день уже было битком, и даже конная милиция.

— **Вас что же — никогда не запрещали?**

— Как это "не запрещали"? Обижаете. С той же "Дерибасовской" нас пригласили в Киев. 18 спектаклей в "Октябрьском", лучший зал Киева, две тысячи мест, все билеты проданы. Мы поехали. На перроне нас встречают друзья и говорят: всё в порядке, вы уже не работаете, спектакли отменены. Потом подходят те, кто нас приглашал. Всё в порядке, говорят, поехали просматриваться.

Вот представьте себе. Огромный зал, и в нем сидит киевская комиссия. 20 человек, в основном — неудавшиеся музыканты, спившиеся актеры и режиссеры. Мы играли два часа. "Экзамен", "Авас" — все шлягеры. В гробовой тишине. Потом они сказали: нет, это не годится. Я до сих пор не понимаю, почему, — никакой сатиры там не было.

Я сделал моноспектакль "Шут гороховый" — по произведениям Чехова, Зошенко, Шолом-Алейхема и Жванецкого. Сыграл его шесть раз, меня вызывает начальник по идеологии. "Ромка, — говорит, — чего ты там играешь? Говорят, очень там у тебя мрачно. А этот Шолом-Алейхем — зачем он тебе нужен?". Спектакль сняли.

Так это еще чепуха. Как-то на правительственном концерте мы с Райкиным должны были играть "Авас". За полчаса до выхода на сцену его зовут к телефону. Министр культуры Фурцева извещает его, что миниатюру играть нельзя, потому что в зале находится Мжаванадзе.

Райкин пытается объяснить. Мол, мы же говорим, что тупой — доцент, а не грузин. "Я не знаю, кто у вас тупой, а играть нельзя", — заявляет Фурцева.

Райкин заменил, читал басни, но и ими чем-то не угодил присутствовавшим членам. Ему потом два года не давали играть в Москве.

— **Давайте не будем о грустном — у нас же все-таки с вами предновогодняя встреча...**

— Вот-вот. Я вам сейчас новогоднюю историю расскажу. Причем быть. Как и все, я люблю встречать Новый год дома, с семьей. А тут однажды депеша, а в ней приказ. Посадили нас с Витей в самолет, доставили в Москву, поселили в гостиницу "Варшава". Из номера, сказали, не выходить, ждать сигнала. Потом позвонили: быть готовыми к 10 вечера, играть будете "Авас". В 10 вечера черная "Волга" повезла нас в Барвиху, в правительственный санаторий. Приехали. Голубые ели, охрана. Говорят — ждите. Ждем. В половине двенадцатого мы поднялись наверх, в гостиную. Там члены ЦК с женами играют в домино.

— **Шутите!**

— Если бы. Без четверти двенадцать все расселись за столиками, мы сбоку. Без десяти. Слушаем приветствие товарища Подгорного советскому народу. Товарищ Подгорный сидит тут же и тоже слушает. Потом куранты, гимн. Мы сидим, пить нельзя. За столиками голосование: тамадой избирают маршала Баграмяна. Тот предоставляет слово секретарю ЦК Украины — по-моему, тогда это был Шелест: "Товарищи! Только что мы прослушали яркую речь товарища Подгорного по радио, в которой он сказал...". Почти полностью повторив речь Подгорного, предложил выпить за здоровье товарища Брежнева, которого за столом не было. Все выпили и закусили, а там было чем. Мы сидим, пить нельзя. Потом тамада предоставил слово первому секретарю ЦК Белоруссии:

"Товарищи! Только что мы прослушали вдохновенную речь товарища Подгорного, который сказал...". И опять — почти слово в слово. И — за советский народ, который под руководством товарища Брежнева...". Мы сидим, пить нельзя.

Потом первый секретарь ЦК Узбекистана: "В яркой речи товарища Подгорного...". Казахстана: "В мудрой речи товарища Подгорного...".

Тут почему-то объявили нас. Я начал задорно: "Есть у нас грузин, Авас...". Ну и так далее. До конца. Такой тишины мы в своей жизни еще не слышали. После финала кто-то за столом высказал желание: "А теперь что-нибудь смешное".

Уехав оттуда, мы с Витей написались. С горя.

— **Ну, с тех пор многое изменилось.**

— Не слишком. Те же коммунисты кругом. Я даже предлагал каналу "Культура" сделать программу, в которой говорить с людьми из нынешней власти о жизни и юморе. Пригласить, скажем, Шандыбина... Это же море удовольствия! Хотя, с другой стороны, это не столько смешно, сколько страшно.

— **Почему страшно?**

— Потому что Жириновскому и Митрофанову верит множество людей. А они — провокаторы.

— **А есть ли те, кто вам симпатичны?**

— Есть. Хакамада, Явлинский... Но выбирать их я все равно не буду. Я вообще на выборы не хожу. И при советской власти не ходил.

— **При советской власти — это понятно. А сейчас почему?**

— Не верю. У меня даже такой монолог был, Жванецкого, — "Не верю".

— **Не верите ни прошлым политикам, ни нынешним?**

— Не верю. Когда умер Сталин, мы плакали. Моя мама была настоящим коммунистом. А папа давно все понял, с детства. Ночью он накрывался с головой одеялом и слушал "Голос Америки". Мама с папой часто спорили. Она ему рассказывала о том, что было на партсобрании, а он ей — о чем говорили по "Голосу". Смешные. А я всегда был аполитичным. И сейчас такой. Знаю, что нам все время врут. Нам наврали про "Курск", наврали про "Норд-Ост". А мы всегда боролись. За чистоту рядов, за урожай. И сейчас боремся. У нас вся жизнь — борьба. Сейчас вот два киношных комитета борются за то, кто из них будет премии выдавать. В Думе борьба и вовсе непрерывная.

— **Вас не тянет в ней поучаствовать?**

— Ни в коем случае! Хотя я знаю, что поначалу многих артистов потянуло на эту сцену. Но выдерживали они недолго, тут нужна совсем другая игра.

— **А принять участие в избирательной кампании в пользу какого-нибудь кандидата вам не предлагали?**

— Неоднократно. Причем за огромные деньги. Но я выступал только в поддержку Кобзона. Почти четверть века назад он мне очень помог, с тех пор мы дружим. А своим друзьям я не отказываю.

— **Чем же он вам помог?**

— А какой тогда вопрос был самым трудным?

Правильно: квартирный. У меня тогда уже двое детей было, мальчик и девочка, а квартиру дали — двухкомнатную. То есть заявление-то я написал на трехкомнатную: мы знали, что потом, если второй раз просить, больше ничего не получим. Но кто-то там, "наверху", трехкомнатную вычеркнул и вписал — двухкомнатную. Ну я к Иосифу и обратился. Он меня взял и повел к Коломину — это был в Моссовете самый главный человек по распределению квартир. В приемной у него, конечно, толпа — генералы и просто важные люди. Иосиф проходит сквозь них и мне говорит: "Проходите, товарищ". В кабинете сидит Коломин и спрашивает меня: "В чем дело, какие претензии?". А Кобзон в это время у него на столе в бумагах роется. Нашел мою, "двухкомнатную" вычеркнул и вписал: "трехкомнатную". Я Коломину все объяснил, а он в бумагу посмотрел и говорит: "Иосиф Давидович ваш вопрос уже решил".

После того случая Кобзону меня и просить ни о чем не надо.

— **Вам сейчас хорошо живется?**

— А мне и при советской власти жилось не плохо. Вкалывать приходилось адски, потому что на рубль семью из четырех человек прокормить было нельзя. У нас с Витей было много "халтуры" — мы работали по 30—40 концертов в месяц. Аппаратуры тогда не было, мы рвали глотки, но зарабатывали где-то по 500 рублей в месяц. Тогда это были очень неплохие деньги. Мы не бывали дома по 5—6 месяцев в году, мы возвращались домой совершенно изможденные — отдыхать. Но был успех и была работа. Потом началась эпоха халтур в научно-исследовательских институтах. В каждом — вполне приличный зал и 300—400—500 сотрудников. Они скидывались по рублю, 50 рублей брал организатор. Из Москвы можно было не выезжать.

— **Вы работали ради денег?**

— Никогда. Я и сейчас ради них не работаю, хотя платят мне во много раз больше, чем тогда. Я еду туда, где мне интересно. Недавно был в Нарьян-Маре. Я просто обалдел. Думал — олени, экзотика... Есть и то, и другое, но еще есть прекрасный интеллигентный зал. Только что приехал из бывшего военного городка Коврова, ко мне там пришла замечательная публика... Словом, грех жаловаться — к нам, к Жванецкому и ко мне, вообще приходит другая публика.

— **Что значит — другая?**

— Чем та, что ходит на "широкую эстраду" и к попсе. К артистам у меня претензий нет. К публике тоже. Видно, время такое: время пошлых анекдотов.

— **У вас есть любимый анекдот?**

— Анекдоты нужно исполнять, а не читать в газете или в книге — от чтения они пропадают. Ну хорошо. Вот:

Страшный испитой бомж пришел в магазин сдавать посуду. Спрашивает:

— У вас бутылки из-под виски принимают?

— Нет, сэр, — отвечает продавец.

Такие анекдоты мне нравятся. Они неожиданные. Но таких очень мало. Как и хороших людей. Я сейчас пытаюсь сыграть человека, который когда-то уже сидел за анекдоты, но продолжает их рассказывать: про Ленина, про Брежнева... А потом должен рассказать про Путина. Так вот анекдот про Путина — не могу найти.

— **Чуть-чуть терпения: еще немного — и появляться.**

— Не сомневаюсь.

Марк ДЕЙЧ.

Карцев
Райкин

30.12.02